

Пятый раздел (стр. 65—103) содержит проблемы морфонологии: теорию ударения и сведения об аблауте, описание структуры слога (закон Зиверса — Эджертона) и данные о комбинаторных изменениях на стыках морфем. Интересен параграф о чередованиях согласных. Особо рассматривается проблема фонетической структуры морфемы; регистрируются следующие типы корня: *VC, CVC, CCVC, CVCC, CCVCC, CCCVC, CCCVCC, CV, CCV, CVCV, CVCVC* и приводится «формула корня»: $(S) (T) (R)e(R) (T/S)$.

В шестом разделе (стр. 104—142) рассматриваются вопросы предъистории индоевропейской фонетической системы: ларингальная гипотеза; теория корня Бенвениста; происхождение долгой ступени, качественных чередований, трех рядов гуттуральных и т. п.

Морфология имени входит в седьмой раздел книги (143—185), особенно богатый новыми интересными мыслями. Особенно важно рассуждение об окончании род. падежа ед. числа $*-e/ios\dot{\iota}o$, которое большинством ученых рассматривалось как распространенное в ограниченном ареале. Семереньи убедительно показывает, что и латинское *-i* может восходить к тому же $*-os\dot{\iota}o$; определяющим для развития было склонение на $*-io$: $*-ios\dot{\iota}o > *-io\dot{\iota}\dot{\iota}o > *-i\dot{\iota}o > -\bar{i}$; каждый шаг в таком развитии может быть подкреплён примерами из латинской исторической фонетики; предложенное объяснение поддерживается фалиским (*Kaisiosio = Caesii*); древнеирландское *-i* могло иметь такое же происхождение. Интересно истолкование закона Каланда в соответствии с разработанным Семереньи учением об индоевропейской синкопе³: $\chi\upsilon\delta\rho\acute{\epsilon}\varsigma/\chi\upsilon\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\tau\alpha < * \chi\upsilon\delta\acute{\iota}-\rho\acute{o}-\epsilon\varsigma// * \chi\upsilon\delta\acute{\iota}-\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\tau\alpha$. Излагаются соображения о происхожде-

нии различий между протеродинамическим и гистеродинамическим типами, между типами *vrkī* и *devī*, судьбы основы $*-ner-$ и т. п.

В восьмом разделе (стр. 186—211) описывается морфология местоимений и числительных. И здесь много нового. Предлагается, например, объяснение разнооосновности местоимений: им. пад. $*k^u i-s$, но род. пад. $k^u e-s\dot{\iota}o$; бессонантная основа возникла в результате диссимилиации из $*k^u e\dot{\iota}-s\dot{\iota}o$; в дат. падеже действовала к тому же и гаплогония: $*k^u esmei < *k^u e\dot{\iota}-ei-smei$.

Девятый раздел (морфология глагола, стр. 212—311) состоит из шести глав: А. Личные окончания, тематический гласный, залог; В. Наклонения; С. Временные основы; D. Парадигмы; Е. Неличные формы; F. Предъистория. Последняя глава снова возвращает читателя к глоттогонической тематике. Как частное можно отметить, что Семереньи объединяет тематические и атематические окончания; весьма ценно общеметодическое замечание о слабостях редукционных операций, об опасностях реконструкции *ad infinitum*. Можно, однако, указать и на пути преодоления некоторого реконструкционного предела: обеднения системы морфологических категорий можно избежать, обращаясь к морфологической семантике, к таким категориям, как именные классы, косвенные днаезы, эвиденциал, таксис.

В книге нет синтаксического раздела, нет сведений о композициях, что объясняется, вероятно, творческим характером книги, тем, что автор излагает свои взгляды, предлагает введение именно в сферу своих идей и интересов.

Конечно, это очень актуально; остается надеяться, что скоро появится и обещанное Семереньи (стр. 12) «Введение в индоевропейскую филологию».

Л. Г. Герценберг

³ O. Szemerényi, *Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent*, Naples, 1964.

А. А. Москалев. Грамматика языка чжуан. — М., изд-во «Наука», 1971. 336 стр.

Рецензируемая книга посвящена описанию фонологической системы и грамматического строя одного из малоизученных тайских языков. Расширяя и обогащая наши представления о тайских языках, эта работа может быть использована при создании капитальных трудов по общему языкознанию, в которых должны получить достаточное отражение самобытные черты и закономерности, присущие языкам народов Азии. Поскольку язык чжуан является ярким представителем языков изолирующего строя, бытующие в нем явления представляют особый интерес для китайского языкознания.

Композиция книги традиционна — введение и три больших части, соответственно посвященных фонологии, морфологии и синтаксису языка чжуан.

Фонологическая часть¹ охватывает

¹ А. А. Москалев многие годы посвятил собиранию, обобщению и научному истолкованию сведений по фонологии и фонетике чжуан. Описание фонологического аспекта звуковой системы языка в значительной части основано на материалах слуховых наблюдений, проводившихся автором непосредственно в полевых условиях в период командировки в город Умин

круг вопросов, связанных с фонологической характеристикой чжуанского слога, и имеет самостоятельное значение, поскольку в языке чжуан слог выступает в качестве не только важнейшей фонологической, но и лексико-морфологической единицы. Этим, видимо, следует объяснить также и то, что из суперсегментных, просодических средств автор рассматривает лишь систему тонов, оставляя в стороне вопросы словесного ударения.

Морфология как по объему, так и по своему конкретному содержанию является важнейшей частью рецензируемой книги. Эта часть работы распадается на два больших раздела: словообразование и классы слов; стр. 80—84 посвящены классификации морфем.

А. А. Москалев дает подробное описание сложения, редупликации и аффиксации как трех основных способов в системе словообразования языка чжуан, учитывая при этом тонкие особенности, связанные с фонемными, тональными и семантическими характеристиками лексических единиц. Убедительным представляется основной вывод автора о том, что ведущим способом чжуанского словообразования является сложение².

Важная черта словообразовательной системы языка чжуан, отмеченная А. А. Москалевым, — а именно то, что сложные слова по характеру отношений, существующих между их компонентами, соотносятся с синтаксическими конструкциями, присуща также и китайскому языку. Здесь, собственно говоря, можно констатировать общность внутреннего механизма сцепления корневых морфем в сложном слове и соответственно слов в словосочетании.

Убедительно аргументировано мнение автора о том, что результативные образования (глагольная морфема + глагольная или качественная морфема) представляют собой словосочетания, а не сложные слова результативной модели, как в китайском языке (стр. 89). Заслуживают внимания замечания о том, что в чжуан некоторые лексические образования, возникшие в результате редупликации морфем, лежат на грани словообразования и словоизменения (стр. 91).

Проделанный в работе семантический анализ суффиксальных морфем позволил

сделать интересный вывод о наличии в чжуан своеобразных средств негативной коннотации лексического значения некоторых существительных и прилагательных.

А. А. Москалев под классами слов понимает «группы (разряды) слов, характеризующихся общностью поведения в речи, т. е. общими синтаксическими свойствами» (стр. 103). При классификации слов языка чжуан он учитывал «способность или неспособность слова употребляться в качестве члена синтаксической конструкции или члена предложения; способность или неспособность слова употребляться изолированно; дистрибуционные возможности слов» (стр. 103). Можно согласиться с таким решением вопроса, так как для языков изолирующего строя, и в частности для языка чжуан, синтаксический критерий действительно является ведущим при распределении слов по соответствующим классам. Вместе с тем следует заметить, что коль скоро классы слов (части речи) являются лексико-грамматическими категориями, учет семантики подвергаемых классификации языковых единиц практически неизбежен. Это, собственно говоря, и вынужден делать автор книги, занимаясь конкретной рубрикацией словарного состава языка чжуан.

В классификационных схемах широко используется дихотомическое деление, призванное отразить существующие в системе чжуан бинарные оппозиции (см., например, схемы на стр. 108 и 114). Это, естественно, придает классификации определенную стройность, однако иногда приводит к тому, что различные по своей лексико-грамматической природе слова оказываются включенными в один класс, относятся к одной категории.

Так, все слова языка чжуан подразделены на два больших класса: неслужебные слова и слова служебные. В основе данной дихотомии лежит постулат о том, что «если какое-либо слово языка чжуан способно самостоятельно составить высказывание, то оно не является служебным» (стр. 103). Исходя из этого, в рамках класса неслужебных слов объединены знаменательные части речи, названные неизолативами, и так называемые изолативы (междометия, а также слова, употребляемые при ответе на вопрос, переопросе и окриках). Знаменательные слова и междометия столь различны по своей языковой природе, что вряд ли целесообразно прибегать к искусственному объединению этих слов в рамках одного класса.

Различие между изолативами и неизолативами А. А. Москалев видит в том, что изолативы не способны выступать в качестве члена предложения или члена синтаксической конструкции (стр. 105—106). По этому, наиболее существенному признаку изолативы, таким образом, ближе

(КНР) в 1958—1959 гг. (см.: А. А. Москалев, *Фонология языка чжуан*. Канд. диссерт., М., 1968).

² Г. П. Сердюченко также считал сложение основным способом словообразования в языке чжуанцев. Он называл данный способ словосложением, указывая, что «можно установить по крайней мере пять основных типов возможных корне-(слово)слияний в сложном (сложносоставном) чжуанском слове» (Г. П. Сердюченко, *Чжуанский язык*, М., 1961, стр. 28—29).

стоят к служебным частям речи, нежели к словам знаменательным.

Более обоснованным и рациональным представляется четкое деление слов на знаменательные и служебные с выделением междометий в самостоятельную лексико-грамматическую категорию.

В разделе «Субstantивы», содержащем богатый фактический материал, проведена тщательная систематизация языковых явлений, всесторонне описаны многообразные черты и особенности, присущие словам данного класса. Вряд ли следует упрекать автора в излишней семантизации описания (существительные подкласса «вещества», существительные подкласса «невещества», существительные — названия лиц, существительные подкласса не-лиц), так как обычно смысловые различия между отдельными подклассами субstantивов подкрепляются собственно грамматическими различиями.

В разделе «Предикативы» несомненный интерес представляют материалы подраздела «Структура предикативов». Заметим, что квалификация сложных слов субъектно-предикативной модели (по нашей терминологии: предметно-качественные словосочетания) в качестве одной из разновидностей предикативов представляется правильной, так как эти лексические образования обычно функционируют в роли сказуемого (в китайском языке они, кроме того, способны выполнять функцию определения).

Противопоставленные друг другу субstantивы и предикативы как самые многочисленные и наиболее важные классы слов образуют фундаментальную оппозицию в грамматической системе чжуан; однако объединение глагола и прилагательного в одну общую категорию предикатива недостаточно аргументировано.

Предикативы подразделяются на два больших подкласса: объектные предикативы и безобъектные предикативы.

В разделе «Безобъектные предикативы» естественнее было бы сначала дать описание собственно безобъектных глаголов, а затем уже рассмотреть остальные разновидности глаголов этого класса. Среди материалов, посвященных безобъектным предикативам, внимание исследователей языков изолирующего строя, несомненно, привлечет раздел «Интенсивные прилагательные», содержащий описание структурно-семантических особенностей одного из самобытных явлений грамматики чжуан. Темой самостоятельного исследования могло бы стать выяснение сходства и различия, существующих между чжуанскими интенсивными прилагательными и так называемыми прилагательными с удвоенной второй морфемой в китайском языке³.

В классификации наречий отражены такие особенности их синтаксического употребления, как позиционный диапазон (однопозиционные и двухпозиционные наречия), характер синтаксической позиции (препозитивные и постпозитивные наречия), способность к обособлению (обособляемые и необособляемые наречия), сочетаемость со словами других лексико-грамматических классов (наречия, употребляемые с глаголами, и наречия, употребляемые с прилагательными) и, наконец, совместимость со служебными словами (наречия, употребляемые перед связкой, и наречия, не употребляемые перед связкой). Стройность этой грамматической классификации нарушают разряды, названные звукоизобразительными и незвукоизобразительными наречиями (стр. 224).

Фонологическо-структурные и семантико-функциональные черты и особенности звукоизобразительных наречий весьма своеобразны; например, оппозиция гласных *a—e* в составе звукоизобразительных наречий указывает на разную степень интенсивности действия или степени качества.

А. А. Москалев определяет звукоизобразительные наречия как «слова, передающие разнообразные зрительные впечатления: о характере действия и тех или иных сторонах качества (цветовые оттенки, размер, форма и т. д.)» (стр. 226). Однако приведенный в книге перечень звукоизобразительных наречий (стр. 226—227) убеждает в том, что не все слова этой группы имеют такое значение.

Вызывает недоумение и тот факт, что отрицания (в частности, отрицание *hou*³) отнесены к категории наречия, т. е. к знаменательной части речи (стр. 231—232). Непонятно, почему этот разряд слов назван отрицательными наречиями. Как известно, этим термином в грамматике принято обозначать слова типа «нигде», «никогда», «никак».

В последнем разделе «Морфологии» рассматриваются служебные слова, которые разделены на пять классов: фразовые частицы, служебные слова, вводящие определения и обстоятельства, союзы, предлоги, служебное слово *ki*³. В специальной схеме отражены черты сходства и различия, существующие между отдельными классами служебных слов. Попытку наглядно показать систему служебных слов следует признать удачной и интересной. Правда, несколько искусственным представляется объединение предлогов и союзов в одну общую группу слов, не вводящих определения и обстоятельства. Это, видимо, вызвано, опять-таки стремлением автора отразить дихотомическое деление во всех звеньях предлагаемой классификации.

морфемой в современном китайском языке, «Советское китаеведение», 1958, 3.

³ Описание этой разновидности прилагательных см.: М. К. Румянцев, О прилагательных с удвоенной второй

Описание функций и интерпретация значений так называемых фразовых частиц, широко используемых в чжуан, представляет большой интерес для китайского и японского языкознания. В результате обследования фактического материала сделан важный вывод о том, что фразовые частицы не являются показателями коммуникативных типов простого предложения и не могут, в частности, выражать вопрос или побуждение. Особо заслуживает внимания замечание о том, что «фразовые частицы, которые обычно употребляются только в предложениях, содержащих общий вопрос, по-видимому, целесообразно считать не вопросительными, а частицами, усиливающими вопросительную интонацию» (стр. 239)⁴.

В разделе, посвященном союзам, было бы целесообразным разграничить простые и сложные союзы, с одной стороны, повторные и парные союзы — с другой стороны, так как последние возникли в языке не как структурные типы, сложившиеся в процессе формирования служебных слов, а как типы функциональные, порожденные особенностями синтаксического употребления.

Вряд ли можно согласиться с тем, что союз в придаточном предложении и наречие в главном предложении образуют парный союз (стр. 246 и 247). По нашему мнению, здесь симультанно употреблены союз и союзная частица наречного происхождения. В пользу такого понимания говорит, в частности, позиция союзной частицы в составе главного предложения (ср. в китайском языке одновременное использование таких средств, как союз *жунго* и частица *цзю*).

Правильность квалификации слова *ki*³ как служебного подтверждается прежде всего его способностью выступать в качестве субстантиватора предикативов, а также другими присущими ему особенностями синтаксического функционирования.

В разделе «Синтаксис», как замечает сам автор, рассмотрены лишь наиболее распространенные синтаксические явления языка чжуан. Этим, видимо, и объясняется то, что по сравнению с морфологией данная часть работы имеет значительно меньший объем.

Прежде чем рассмотреть предложение и его структурные элементы, А. А. Москалев дает классификацию и описание так называемых синтаксических конструкций (т. е. конструктивных словосочетаний, отличающихся от словосочетаний

номинативных). Следует заметить, что для описательного синтаксиса малоизученных языков анализ различных типов словосочетаний имеет особое значение, так как структурно-синтаксические свойства и особенности языка, как известно, проявляются больше в словосочетании, нежели в предложении.

Имея в виду целый ряд специфических особенностей предложения, отличающих его от словосочетания, автор справедливо замечает, что хотя линейная структура предложения и может совпадать с той или иной синтаксической конструкцией, тем не менее, предложение всегда есть нечто большее, чем та линейная структура, которая лежит в его основе (стр. 257).

В рецензируемой книге выделены три группы синтаксических конструкций: сочинительные, подчинительные и взаимоподчинительные. Здесь достаточно полно показаны конструктивные возможности чжуанского синтаксиса. Попытка отграничить нумеративную синтаксическую конструкцию (сочетание существительного с количественным числительным) от синтаксической конструкции атрибутивного типа убедительна уже потому, что понятие числа вещей существенно отличается от понятия качества, свойства вещей.

Вместе с тем нужно заметить, что вычленение взаимоподчинительных синтаксических конструкций в отдельную группу и противопоставление в пределах этой группы предикативных синтаксических конструкций уравнительным носит упрощенный, схематический характер и не подкреплено необходимой аргументацией. Определяя как предикативную всякую взаимоподчинительную конструкцию, образуемую без посредства глагола-связки, автор не учитывает, что уравнительная синтаксическая конструкция в определенных условиях тоже может быть образована без помощи глагола-связки. Этим фактически стирается различие между двумя разновидностями взаимоподчинительных синтаксических конструкций.

Поскольку в языках изолирующего строя члены предложения выражаются главным образом посредством неморфологизированных средств, А. А. Москалев, выявляя формальные признаки членов предложения, особое внимание уделяет таким синтаксическим средствам, как словопорядок, синсемантические слова и интонация. Предложенная им система членов предложения отражает реальную картину соотношения структурных элементов простого предложения и охватывает как основные, так и маргинальные явления, наблюдаемые в строе чжуанского предложения. Тем не менее отдельные положения, связанные с интерпретацией членов предложения, представляются спорными. Так, например, трудно согласиться с истолкованием семантико-синтаксической сущности сложного глаголь-

⁴ В китайском и японском языкознании, напротив, принято считать, что некоторые фразовые частицы способны выражать вопрос и побуждение. См., например: В а н Л я о - и, Основы китайской грамматики, М., 1954, стр. 94—99; М. К и э д а, Грамматика японского языка, М., 1958, стр. 620—622.

ного сказуемого, в частности, той разновидности, которая по А. А. Москалеву, включает в себя два глагола — первый обозначает действие, совершаемое с целью выполнения другого действия, обозначаемого последующим глаголом (стр. 274). Ср. русский перевод авторского примера: «Я пойду в верхнюю деревню купить мяса», где только глагол «пойду» выполняет функцию сказуемого, а второй глагол входит в состав словосочетания «купить мяса», функционирующего в роли обстоятельства цели. Что же касается сложного глагольного сказуемого, то этим термином, как известно, обычно обозначают сочетание вспомогательного глагола (модального, побудительного и т. д.) с глаголом полнозначным.

По мнению А. А. Москалева, дополнение может обозначать место, куда направлено или где совершается действие (стр. 276, см. также стр. 116—117). При таком понимании смещаются установившиеся представления о семантическом объеме синтаксических категорий дополнения и обстоятельства. В предложении дополнение и обстоятельство, будучи связаны со сказуемым, тесно соприкасаются и своеобразно переплетаются между собой, и граница, проходящая между ними, часто бывает крайне зыбкой и подвижной. Поэтому мы полагаем, что в языках изолирующего строя существительные, занимающие позицию после сказуемого и не имеющие при себе служебных слов, независимо от того, обозначают ли они объект, орудие, место действия или находятся в иных отношениях с глаголом-сказуемым, следует отнести к одной синтаксической категории — к «дополняющим словам» (ср. с категорией французского синтаксиса, называемой *complément*⁵). Дополняющие слова — это некая еще нерасчлененная синтаксическая категория, из состава которой в процессе развития грамматической системы языка вычленились различные типы дополнений и обстоятельств, обладающие уже специальными формальными признаками.

В разделе «Пояснение» высказаны интересные мысли, касающиеся «предложений сцепления» (смыкания). Эти соображения следует учитывать при интерпре-

тации аналогичного явления в китайском языке, и они свидетельствуют о том, что термин «предложения сцепления» носит весьма условный характер. Вместе с тем нельзя не заметить, что автор не учитывает семантической стороны предложений данной разновидности. В этих синтаксических построениях первый предикатив отодвинут в смысловом отношении на второй план: он лишь констатирует бытие (наличие) лица или предмета, основное же смысловое содержание передает второй предикатив. Поэтому вряд ли правомерно рассматривать второй предикатив как второстепенный член предложения.

Материалы двух разделов синтаксиса, соответственно посвященных главным и второстепенным членам предложения, свидетельствуют о том, что А. А. Москалев пытается найти объяснение сложным синтаксическим явлениям и стремится дать классификацию членов предложения, отличающуюся от обычных построений. Однако предложенная классификация нуждается в дальнейших уточнениях.

Не всегда безупречна внутренняя логика отдельных разделов. Так, в разделе «Синтаксис» в один ряд на правах самостоятельных подразделов поставлены такие вопросы, как: типы простых предложений, сложное предложение, классификация предложений по цели высказывания. Представляется более последовательным выделить два подраздела: классификация предложений по структуре и классификация предложений по цели высказывания, рассмотрев в первом из них сначала типы простых, а затем типы сложных предложений.

В заключительной части работы дано описание наиболее распространенных типов простых и сложных предложений. Простые предложения распадаются на одночленные и двучленные, что соответствует в основном традиционному делению на односоставные и двусоставные предложения. Двучленные предложения в свою очередь подразделяются на связочные предложения и предложения со сказуемым-предикативом, последние же образуют две группы: безобъектные предложения и предложения объектные. Предложенная классификация отличается внутренней упорядоченностью и иерархичностью. Касаясь отдельных положений, содержащихся в этом разделе грамматики, заметим, что вряд ли следует говорить о пропуске глагола-связки (стр. 297). Точнее рассматривать соответствующие синтаксические структуры как предложения, в которых не употребляется глагол-связка.

Что касается сложных предложений, то они, прежде всего, подразделяются по признаку сочинения и подчинения. Сложносочиненные предложения распадаются на бессоюзные и союзные, а сложноподчиненные предложения обра-

⁵ Термин *complément* применяется к нескольким второстепенным членам предложения (Е. О. Костецкая, В. И. Крдашевский, Грамматика французского языка, М., 1957, стр. 271). С дополняющими словами терминологически сопоставима также и категория китайского синтаксиса *буюй*, но лишь терминологически, так как по существу она обозначает иные структурные элементы простого предложения (см., например: «Сяньдай ханьюй», III, Чунцин, 1957, стр. 293—295).

зуют шесть разновидностей, соответствен-но имеющих в своем составе придаточные предложения: времени, условия, причи-ны, уступки, сравнения, цели. Это — традиционная классификация, имеющая свои достоинства и недостатки, но в целом приемлемая для описания структурно-семантических типов сложных предложе-ний языка чжуан. Наиболее уязвимым местом этой классификации является де-ление сложносочиненных предложений на бессоюзные и союзные. Сочинение и под-чинение суть синтаксические способы фор-мирования сложных предложений по-средством специальных аналитических средств, среди которых важнейшую роль играют союзы. В бессоюзных предложе-ниях смысловое соотношение частей слож-ного целого выражается лексико-морфо-логических и ритмико-интонационными средствами. Поэтому членение на сложносочиненные и сложноподчиненные пред-ложения допустимо лишь в сфере союз-ных предложений. Бессоюзные же пред-ложения не выдерживают деления по признаку сочинения и подчинения.

Один из общих недостатков книги — слаборазвитая система дефиниций: автор или совсем не приводит определений грам-матических понятий или дает слишком краткие определения, а это иной раз за-трудняет уяснение отличительных при-

знаков обозначаемых ими явлений. Та-кой подход распространяется не только на понятия, хорошо известные в грам-матической науке, но и на понятия, ко-торыми оперирует автор в процессе опи-сания феноменов грамматической системы языка чжуан. Например, не дано опре-деления столь своеобразной разновидно-сти чжуанских предикативов, как интен-сивные прилагательные (стр. 204), а о фразовых частицах сказано лишь, что это слова, употребляемые в исходе пред-ложения (стр. 237).

Книга содержит немало тонких наблю-дений и интересных умозаключений. Не-сомненным ее достоинством является на-личие большого числа схем и таблиц, что делает легко обозримой систему фо-нологических и грамматических средств языка чжуан и в значительной степени облегчает уяснение его характерных осо-бенностей.

В целом рецензируемая книга является удачной попыткой систематизации и на-учной интерпретации основных фонологи-ческих и грамматических явлений одного из своеобразных и до сего времени мало-изученных языков. Она вносит суще-ственный вклад в изучение языков Юго-Восточной Азии.

В. И. Горелов

H. Vogt. Grammaire de la langue géorgienne. — Oslo, Universitetsforlaget, 1971. 278 стр.

«Грамматика грузинского языка» вы-дающегося исследователя картвельских языков Г. Фогта является переработанной редакцией его монографии «Esquisse d'une grammaire du géorgien moderne» (Oslo, 1936). В ней отразились результаты позд-нейших многочисленных картвелологи-ческих исследований автора¹. В резуль-тате читатель получил фактически но-вую книгу, хотя основные принципы анализа остались те же, что и в издании 1936 г. Рецензируемую книгу можно от-нести к лучшим зарубежным трудам, по-священным вопросам структуры совре-менного грузинского языка.

«Грамматика грузинского языка» со-стоит из «Введения» и «Предисловия» (стр. 1—6) и следующих глав: «Фоноло-гия» (стр. 7—16), «Склонение» (стр. 17—74), «Послелогии» (стр. 75—78), «Спряже-

ние» (стр. 79—195), «Наклонение и под-чинение» (стр. 195—212), «Союзы и сочи-нение» (стр. 212—213), «Частицы» (стр. 213—220), «Замечания о порядке слов» (стр. 220—224), «Словообразование» (стр. 224—257). Книга снабжена индексом проанализированных слов и граммати-ческих показателей (стр. 263—278).

В главе «Фонология» кратко характе-ризуются вокализм и консонантизм со-временного грузинского литературного языка, рассматриваются основные во-просы дистрибуции фонем и ударения. Установлены также фоностатистические черты грузинского языка.

Здесь же содержатся интересные на-блюдения по фонетике грузинского язы-ка. Так, например, Г. Фогт справедливо указывает на стабильность фонетической реализации согласных грузинского лите-ратурного языка: влияние соседних глас-ных на произношение согласных является минимальным. Автор обращает внимание на наличие позиционных вариантов со-гласных фонем /n/ и /r/ — на велярную реализацию /n/ перед заднеязычными фонемами и на глухой вариант фонемы /r/ после глухих согласных (стр. 12—13),

¹ См. например: H. V o g t, Alternan-ces vocalique en géorgien, NTS, XI, 1939; e g o ж е, Suffixes verbaux en géorgien ancien, NTS, XIV, 1947; e g o ж е, Le système des cas en géorgien ancien, там же.